

Станислав Минаков

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился в 1959 году в Харькове. Получил высшее техническое образование. Автор книг стихов, прозы, публицистики, энциклопедий и альбомов, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Харькове, Белгороде. Член Национального союза писателей Украины (принят в 1994, исключен по политическим мотивам в 2014), Русского ПЕН-центра (2003), Союза писателей России (2006). Лауреат международных и всероссийских литературных премий. С 2014 года живёт в Белгороде.

ВОКРУГ ВИННИ-ПУХА. КОРОЛЬ ДЖОН ПИП И ДРУГИЕ

**Стихи Алана Милна для детей
и взрослых в пересказе
Станислава Минакова**

Все знают «всемирного детского писателя» Алана Милна, автора историй о медвежонке Винни-Пухе, блистательно переложенных на русский язык Борисом Заходером — без двух глав оригинала — под общим названием «Винни-Пух и все-все-все». Как и многие другие персонажи книг Милна,

медвежонок получил имя от одной из реальных игрушек Кристофера Робина, сына писателя.

Милн также написал две книжки детских «околопуховых» стихотворений, которые на самом деле не такие уж и детские, и потому даже взрослые люди во всем мире читают их с огромным удовольствием. Как и в книжках о Пухе, в них обитают два, по-прежнему неразлучных, приятеля: Кристофер Робин и Винни-Пух. И выясняется, что «сам» Кристофер Робин — большущий фантазер и часто выдумывает различные истории о Королях, Рыцарях и Загадочных Приключениях, иногда превращаясь в героев своих историй. Милн-папа относится к этим персонажам с неизменным юмором.

Многие помнят «Балладу о королевском бутерброде», стихотворения «Непослушная мама», «О хвостах» или «Три лисички», «Я был однажды в доме», замечательно переведенные, а точнее, пересочиненные в разное время Самуилом Маршаком, Нонной Слепаковой, Мариной Бородицкой и другими поэтами. Журнал «Алтай» представляет переводы стихотворений А. А. Милна для детей в исполнении Станислава Минакова. Стихи Милна в чем-то веселы, а в чем-то грустны, во многих из них сказано больше, чем покажется на первый взгляд, но самое главное — они добры.

Чего мне хочется

Мне хочется,
Чтоб в гости
Ко мне на день рожденья
Пришёл солдат с винтовкой,
И саблей — на боку.
Ему подам я к чаю
Вишнёвого варенья,
Полезного любому
Отважному стрелку.

Мне хочется,
Чтоб в гости
Пришёл солдат в мундире,
С огромным барабаном,
Как ходят на парад.
Ох, как повеселимся
Мы с ним
У нас в квартире!
И будет мама рада,
И папа — очень рад!

Рождественская баллада о короле Джоне

Король Джон Пип был странный тип,
Чудак на свой манер.
Он мог подряд пять дней почти
Молчать, как шифоньер.
И мог «спасибо» не сказать —
В гостях, поев котлет.
Он «с добрым утром» никому
Не говорил, и потому
Во время встреч никто ему
Не говорил: «Привет!»

Король Джон Пип был странный тип,
И все его друзья
К нему боялись подойти
На выстрел из ружья...
И как-то, поздним декабрём,
О будущем скорбя,
На картах бросил жребий он,
И был сражён и поражён,
Когда открыл: «Надейся, Джон,
Ты только на себя!»

Король Джон Пип был странный тип.
Вдобавок ко всему,
Никто подарков не дарил
На Новый год ему.
Хоть каждый раз, под Рождество,
В один и тот же срок,
Когда по праздничным дворам
Звучал весёлый «шум-и-гам»,
Король к камину прибежал,
И вешал свой чулок.¹

Король Джон Пип был странный тип;
Всегда — невозмутим,
В тот самый раз — он вслух твердил
К камину на пути
Посланье странное. И там,
На верхнем этаже,
Он начертил: «ДРУЗЬЯМ! ВРАГАМ!
А ТАКЖЕ, ОТЧЕ КРИСТМЭС, ВАМ!»
И подписал — не «Иоанн»,²
А очень скромно — «Джек».

*«Мне хочется орехов,
Баранок и конфет;
И баночка варенья
Не помешает, нет;
Мне хочется печенья
И, уверяю Вас,
Что ножик перочинный
Придётся в самый раз.»*

¹ Вывешивание в сочельник чулка у камина — детский обычай, в надежде на то, что английский Дед Мороз (Отец Кристмэс), опустившись ночью по дымоходу, положит в чулок (хорошим детям) рождественские подарки.

² Свои послания английские короли обычно подписывают полным именем.

Но всё же, Отче Кристмэс,
 Не пряник, не калач, —
Пришлите мне, прошу Вас,
 Большой Футбольный Мяч!»

Король Джон Пип был странный тип,
 Но, верен сам себе,
Он не свернул на полпути,
 Спускаясь по трубе.
И он заснуть не мог всю ночь,
 И тихо иногда
Шептал: «Сейчас... теперь... вот-вот...
(И прошибал холодный пот!) —
Он мне подарок принесёт
 За все-превсе года!»

«Не надо мне орехов,
 Баранок и конфет;
И баночки варенья
 Не надо тоже, нет;
Я не хочу печенья,
 И попросил бы Вас,
Чтоб ножик перочинный —
 Потом, не в этот раз.
Но нынче, Отче Кристмэс,
 Не пряник, не калач, —
Пришлите мне, прошу Вас,
 Большой Футбольный Мяч!»

Король Джон Пип был странный тип,
 Но, право, что с того?
И для него, как ни крути,
 Настало Рождество.
Когда любой — и стар, и мал,
 Ликуя, свой чулок
Хватал, подарки доставал,
 От счастья пел и танцевал,

Король сказал: «Я так и знал:
Мне снова — ничего!»

*«Я ж не просил орехов,
С начинкою конфет;
Вишнёвого варенья
Не попросил я, нет;
И сдобного печенья
Я не просил совсем;
И ножики складного,
Который нужен всем.
Ну что же, Отче Кристмэс,
Наверно, плачь не плачь, —
Вы так и не пришлёте
Большой Футбольный Мяч!»*

Король Джон Пип, угрюм и хмур,
Не разжимая губ,
Глядел во двор, где детвора
Резвилась на снегу.
И он завидовал мальчикам,
Пускающимся вскачь,
И было на душе — черно...
Как вдруг — в раскрытое окно
Влетел, свистя, вертясь смешно,
Большой Футбольный Мяч!

ПРИМИТЕ, ОТЧЕ КРИСТМЭС,
МОЙ
БЛАГОДАРНЫЙ ПЛАЧ
ЗА ТО,
ЧТО ПОЛУЧИЛ ОН
БОЛЬШОЙ
ФУТБОЛЬНЫЙ
МЯЧ!

Рыцарь, Чьи Латы Не Скрипят

Почтенный Сэр Тимоша Том
 Был Рыцарь, знаменитый тем,
Что мог умножить, как никто,
 Два на два или ноль — на семь.
Он был — большая голова,
И знал, как пишут букву А.

А кроме прочего, он слыл
 В округе главным знатоком
По части ездовых кобыл,
 Сортов оружия и подков.
И ЗНАЛ ОН СПОСОБ, КАК СУМЕТЬ
ЗАСТАВИТЬ ЛАТЫ НЕ СКРИПЕТЬ!

Почтенный Сэр Тимоша Том
 Весьма любил порассуждать
О войнах, схватках и о том,
 Как надо в битве побеждать.
Но ум свой редкий — он берёт:
И схваток избегал, как мог.

И часто получалось так,
 Что, сидя в замке, на холме,
Когда какой-нибудь чуждак,
 Сюда примчавшись на коне,
Кричал и вызывал на бой,
Сэр Том вполне владел собой.

А иногда, впадая в раж,
 Он грозно рыскал меж равнин,
Где, Рыцаря завидев, аж...
 Бросался за любой овин,
И, вновь не превратившись в фарш,
Трубил победоносный марш.

Однажды сей пресмелый сэр,
 Бродя по замку налегке,
От неожиданности сел,
 Услышав шум невдалеке,
Который сильно был знаком.
Но что-то удивило в нём.

И стук копыт, и трубный клич,
 И свист точёного меча —
Сэр Том способен был постичь,
 Давно привыкший различать
Такой букет — ведь был не глух.
Но ЧТО, но ЧТО смутило слух?

А то — скакал Сэр Рыцарь Боб,
 Хороший парень и ездок.
Сэр Том, наморщив умный лоб,
 Прислушался ещё разок
И услышал (а может, нет)
На свой вопрос простой ответ.

Ответ был прост, но вызвал шок:
 ЕГО ДОСПЕХИ НЕ СКРИПЯТ!
И кровь отхлынула от щёк,
 Ведь наш Сэр Том — лет сто подряд —
Слыл Рыцарем (известным всем!),
Чьи Латы Не Скрипят Совсем!

Почтенный Сэр Тимоша Том
 Рванул стремглав — седлать коня,
И лишь одно твердя при том:
 «Сейчас получишь у меня!»
Копьё в чулане отыскал
И вслед нахалу поскакал.

Сэр Рыцарь Боб — ведь был неплох —
Он ехал подбочась и пел...
Удар застал его врасплох —
Как раз, когда звучал припев.
«О, чёрт! — он крикнул. — Вот дела!» —
И гордо выпал из седла.

Сэр Томас Том, большой смельчак,
Принявши дружелюбный вид,
Сказал, навстречу сделав шаг:
«Позвольте Вам заметить, Вы
Могли б снять латы — прямо тут;
Мне кажется, они Вам жмут».

«Я с радостью Вам помогу», —
Добавил он, склонив чело.
Сэр Боб лежал и — ни гу-гу...
Его доспехи и седло
Собрал, отвёз и бросил в пруд
Сэр Томас, не сочтя за труд.

Кто проиграл — безвестен тот,
А победивший — знаменит.
Во все края Сэр Томас Том
Всё большей славою звенит —
Как Рыцарь — это ясно всем? —
Чьи Латы Не Скрипят Совсем!

Башмачки и чулки

Есть одна пещера
 Под большой скалой,
Где башмачник старый
 И совсем не злой,
Где башмачник древний
 Молотком стучит
И мурлычет что-то
 Или же — молчит.

Дядечка башмачник,
 На носу очки,
Для моей невесты
 Сделай башмачки!
У моей невесты
 Верный Рыцарь есть
И венки, в котором
Белых лент — не счесть,
Есть фата — прозрачней
 Крыльев мотыльков,
Только нет венчальных
 Белых башмачков!

Дядечка башмачник,
 На носу очки,
Для моей невесты
 Сделай башмачки!
И башмачник старый
 В полутьме бурчит,
Глубоко вздыхает
 И стучит, стучит...

Есть одна избушка
 Над ручьём лесным,
Где сидит старушка
 За окном резным,
Где сидит старушка
 И тканинку ткёт,
И молчит, иль песню
 Древнюю поёт.

Тётечка ткачиха,
 Нитка вдоль руки,
Для моей невесты
 Вытки ты чулки!
У моей невесты
 Верный Рыцарь есть,
Платье, на котором
 Лилий всех — не счесть,
Есть фата — прозрачна,
 Словно мотылёк,
Только нету белых
 шёлковых чулок!

Тётечка ткачиха,
 Нитка вдоль руки,
Для моей невесты
 Вытки ты чулки!
Старая избушка,
 Окна — на восход,
И сидит старушка —
 Ткёт, и ткёт, и ткёт...

Императорский стишок

Император Перу
Был себе большой друг,
 И особый стишок
 Вспоминал он, когда
На балу (если вдруг!)
Появлялся без брюк —
 Хоть сквозь пол, хоть в мешок
 Провались от стыда!
О, бывал он смущён,
Если капал борщом
 На соседский рукав,
 Или кто-то к нему
Прямо в праздничный торт
Падал в новом пальто;
 Или — знал, что не прав,
 Иль ещё почему.

И тогда (да, всегда!),
Чтоб не выплеснуть гнев,
 Никого не стереть в порошок,
Император шептал
Непонятный припев —
 Свой чудной, свой нелепый стишок:

*Пятью пять — двадцать пять.
 Кратное восьми?
Что взамен?
Два в уме,
 И ещё возьми.
Шестью шесть — тридцать шесть.
 Значит, начеку.
Посмотри,
Если три —
Пора попить чайку.*

О, бывал он стеснён,
Опускаясь на трон,
 Если, чуть оступившись,
 Садился на пол;
Или гость умолкал,
А он — долго икал;
 Иль, сморкаясь, ронял
 Он корону под стол.

И бывал он раним,
Если в день именин
 Подгорали на кухне
 Его пироги.

И бывал он угрюм,
Будто угольный трюм,
 Коль вставал он не с той,
 А вот с этой ноги.

И тогда (да, всегда!),
Несмотря на года,
 Отчего? — он не ведал и сам,
Но — в себя приходил,
Если только твердил
 То ль себе, то ль самим небесам:

*Пятью шесть — тридцать шесть.
 Кратное восьми?*

*Если три —
Посмотри
 И ещё возьми.*

*Шестью пять — двадцать пять.
 Значит, начеку.*

*Два взамен;
Что в уме? —
 Пора попить чайку.*

Плюшевый Мишка и Его Величество Король Франции

Любой медведь, хитёр иль прост,
Бывает в детстве очень толст.
И следует заметить тут:
Наш Мишка был весьма не худ.
С тахты упавши, наш толстяк
Зарядку делать был мастак:
Ведь надо встать — о том и речь! —
Чтоб снова на тахту прилечь.

За утром утро, день за днём
Он думал только об одном,
И, глядя на людей в окно,
Он горестно твердил одно:
«Ну кто расскажет мне о том,
Как перестать быть толстяком?
Когда ж исчезнет полнота?»
И крикала под ним тахта.

Мои читатели, друзья,
Вам рассказать обязан я,
Что от окна и до дверей
Там было множество зверей —
На полке в детской. Среди них
Лежало очень много книг:
Историй и легенд любимых,
И разных разностей иных.

И как-то Мишка бросил взгляд,
Рассматривая всё подряд,
В один раскрывшийся альбом
И... толстяка увидел в нём.

Большой портрет. «У Нотр-Дам* —
Король Луи (Какой-то там).
Красавцем, как молва гласит,
Был прозван он за внешний вид».

«Вот это да!» — вскричал медведь,
Взволнованный ужасно, ведь
КРАСАВЦЕМ прозван был француз,
Державший пузо — как арбуз!
Потряс наш Мишка головой,
Глаза протёр и, сам не свой,
Сказал: «Сомнений нет. Всё — так:
КРАСАВЦЕМ прозван был ТОЛСТЯК!»

«А, впрочем, почему же «БЫЛ»? —
В догадке Мишка завопил. —
А, может, ЖИВ он и СЕЙЧАС,
И часто где-то среди нас
Бывает? Если до сих пор
О красоте не кончен спор,
То все сомнения мои
Развеет лишь КОРОЛЬ ЛУИ!»

И Мишка вновь прильнул к окну.
И в плюшевой башке одну
Мысль нянчил, и не знал ответ:
«Луи — живой, или же — нет?»
Окошко отворилось вдруг,
И, не успев постичь испуг
И носом чиркнув о карниз,
Герой свалился в лужу, вниз.

* Нотр-Дам де Пари — Собор Парижской Богоматери.

И, надо же! — случилось так,
Что мимо шёл один толстяк.
Он, увидав такой прыжок,
Склонился к Мишке: «О, дружок!
Ай-ай!.. Ну как же?.. Да-да-да,
С утра — холодная вода!
Позвольте, Мистер, Вам помочь!
Мне показалось, Вы — не прочь?

Ваш фрак немножечко намок!»
А Мишка вымолвить не мог
От изумленья и словца —
Он взгляда не сводил с лица
Над ним склонённого. О нет! —
Точь-в-точь похожий на портрет
Пред ним стоял! о Боже! сам!
Король Луи!!! (Какой-то там.)

«Непостижимо! Это — Вы,
Ваше Величество?» «Увы, —
Толстяк промолвил, — это я».
И, тронув шляпу за поля,
Спросил: «О сэр, простите, ведь
Вы — Мистер Плюшевый Медведь?»
И тот, нисколько не тая,
Воскликнул: «Даже очень я!»

Они стояли под окном —
Наш Мишка вместе с Королём.
Приятно было поболтать
О том — о сём. Ни дать ни взять —
Красавцы! (Мой бессилён слог.)
Вдруг звякнул за углом звонок.
Король сказал: «Ну что ж, гуд бай,
Прощайте, сэр, вон — мой трамвай...»

.....

Любой медведь, хитёр иль прост,
Бывает в детстве очень толст.
И следует заметить тут,
Что Мишка наш — весьма не худ.
Но если, друг, подумал ты,
Что он стыдится полноты,
Напрасно ты подумал так —
Он очень горд, что он толстяк!

Нехороший Сэр Брайан Ботики

Сэр Брайан, добрый господин,
С дубиною ходил.
И всех людей, кого встречал,
С размаху по лбу бил.
Не живодёр, не изувер,
Во вторник, среду и четверг,
Ходил он мирно по дворам
И вот что говорил:

«Да, я — Сэр Брайан!» (трах-бах!)
«Да, я — Сэр Брайан!» (бум-бум!)
«Да, я — Сэр Брайан, я смел и отчаян —
А вы получайте по лбу!»

Сэр Брайан, братцы, я не вру! —
Был добрый человек.
Нигде такого добряка
Не встретить вам вовек!
Того, кто под руку попал,
Он без разбору в пруд швырял —
Не каждый день, а в пятницу,
Субботу и четверг.

«Да, я — Сэр Брайан!» (плюх-плюх!)
«Да, я — Сэр Брайан!» (щёлк-щёлк!)
«Да, я — Сэр Брайан, я смел и отчаян —
Кто хочет помыться ещё?»

Сэр Брайан, как-то поутру,
Отправившись в село,
Свою дубину позабыл.
Ну что ж, не повезло.
Когда он по селу шагал,
Народ свистал и хохотал
И весело кричал ему,
А может, даже зло:

«Тот самый Сэр Брайан? Да ну?
Тот самый Сэр Брайан? Ну да!
Тот самый Сэр Брайан, что смел и отчаян?
Мы гостя приветим всегда!»

Сэр Брайан на прогулку шёл,
Да, видно, не туда.
Пришлось отведать и ему,
Вкусна ль в пруду вода.
А не забыл науку чтоб —
Он по лбу получил и в лоб —
Пред тем, как брошен был он в пруд
Без всякого суда.

«Эй ты, Сэр Брайан — хлебай!
Сэр Брайан, за всё получай!
Гуд бай, Сэр Брайан, будь смел и отчаян,
Без нас, дорогой, не скучай!»

Сэр Брайан, прибредя домой
И пожелав прилечь,
Всё ж, перво-наперво, свою
Дубину бросил в печь.

И, умно глядя на огонь,
Ко лбу приблизил он ладонь,
Потрогал лоб и произнес
Он вот какую речь:

«Ведь я — не Сэр Брайан? О, нет!
Сэр Брайан — кто это такой?
Я — просто эсквайр, мистер Ботики Б.
А вовсе — не сэр никакой!»

Соня и Лекарь

Жил-был Соня³. Он в клумбе лежал меж цветов —
Ярко-красных гвоздик, голубых васильков.
Был он счастлив и тих. Ему нравился лик
Голубых васильков, ярко-красных гвоздик.

Но в погожий денёк проходил невзначай
Мимо Лекарь, воскликнувший вдруг: «Ай-яй-яй!
Извините, дружок, на вас нету лица.
В клумбе *этой* нельзя вам лежать без конца.

Перебраться бы лучше — к какой-то другой».
Соня выслушал, но не повёл и ногой.
Только тихо в ответ он заметил врачу:
«Ничего я взамен ни за что не хочу».

Добрый Лекарь, учёной кивнув головой,
Заявил: «Очевидно, что вы — сам не свой.
Лишь одно вам поможет, и знаю я — что».
И умчался, забыв на заборе пальто.

³Соня — длиннохвостый, маленький, похожий на мышь грызун, проводящий зиму в спячке.

Он умчался, но вскоре вернулся затем,
Привезя на тележке кусты хризантем.
«Вот! — сказал он. — Вот это прекрасней любых
Ярко-красных гвоздик, васильков голубых!»

Эту клумбу я вам переделаю вмиг!»
И взамен васильков, ярко-красных гвоздик
Быстро — белых, огромных цветов насадил.
«Ну, скажите, я вам разве не угодил?»

Мудрый Лекарь лопату отставил и сел,
И какой-то мотивчик весёлый запел.
«Результат мне известен давно наперёд:
Скоро дело у вас на поправку пойдёт».

Соня молвил: «Ну что ж, я пред вами в долгу.
Хризантемы прекрасны. Нет-нет, я не лгу!
Только я бы, поверьте, хотел вместо них —
Ярко-красных гвоздик, васильков голубых».

Лекарь, вздрогнув, сказал: «Приоткройте-ка рот!»
Лоб потрогал у Сони, пощупал живот.
«Хворь проходит, дружище, но надо чуть-чуть
Вам усилить питание и отдохнуть».

Соня грустно кивнул. И, невесел и нем,
Кинул взор на большие кусты хризантем,
И тихонько шепнул: «Я хочу — хоть на миг —
Голубых васильков, ярко-красных гвоздик!»

«Боже мой! Это приступ!» —
врач громко вскричал
И, поправив очки, головой покачал:
«Разве можно прекрасней придумать пейзаж?»
И поставил горчичник. И сделал массаж.

Бедный Соня вздохнул и взглянул в небеса,
И представил, закрыв себе лапкой глаза,
Вместо клумбы больших белоснежных цветов
Клумбу красных гвоздик, голубых васильков.

Лекарь глянул на Соню и молвил: «Ну что ж,
Я всегда говорил, что мой метод хорош!
Полегчало бедняге. Едва был он жив!»
И добавил: «О, как хризантемы свежи!»

...Если осенью в сад ты однажды придёшь,
С хризантемами белыми клумбу найдёшь,
То быть может, увидишь, как Соня в ней спит,
Лапой глазки закрыв (так сказал дядя Пит).

Лапой глазки закрыв... Может быть, для того,
Чтоб не видеть во сне ничего-ничего,
Кроме самых прекрасных на свете цветов —
Ярко-красных гвоздик, голубых васильков.

Странный старик

В этом доме
Живёт
Очень странный
старик —
Бородища — до пят
И старинный парик.
Вот попасть бы
В коморку его
Хоть на миг,
Поглядеть бы,
Над чем
Он колдует!

Он, наверное,
Ведает
Всё обо всём,
С псом своим
Размышляет
О том
 и о сём,
Что-то пишет
В тиши,
Позабывши про сон,
 И на пальцы
 Затёкшие
 Дует.

Чтоб, однажды
Открыв,
(Наконец повезло!)
Прошептать заклинанье:
«Зело-Помело!»
Чтоб в Добро
Превратилось
Всемирное Зло
 По веленью
 Волшебного
 Слова!

Чтоб наутро,
Пройдясь
В магазин, до угла,
Убедившись,
Что мир
Не избавлен от Зла,
Вновь засесть
За тетрадь —
До другого утра,
 И надеяться
 Снова
И снова...

Ловля

Я — рыболов,

И тот мой враг, кто носит сапоги;
Ведь может рыба услышать «сапожные» шаги.
А я — тихонечко сажу на мхе или на пне,
Никак ей, рыбе, не понять, чего же надо мне?

А я хочу её поймать,
Ведь я хочу её поймать,
Того и надо мне!

Нет, я — тритонолов,

И тот,
Кто кашляет в кулак,
(вам это ясно и без слов) — сейчас мой главный враг.
А я — замру, как куст, как дуб, как веточка на пне;
Тритон не спит, он всё глядит — чего же надо мне?

А я хочу его поймать,
Ведь я хочу его поймать,
Того и надо мне!